

ПРОБЛЕМА 8-ЧАСОВОГО РАБОЧЕГО ДНЯ ⁽¹⁾.

.... «Ты постоянно проповедуешь мне евангелие «бережливости» и «воздержания». Хорошо. Я хочу, подобно разумному, бережливому хозяину, сохранить свое единственное достояние, рабочую силу, и воздерживаться от всякой безумной растраты ее».

К. М а р к с. «Капитал».

I.

Продолжительность рабочего дня не всегда была такой, какой она является сейчас. С тех пор как существует наемный труд, продолжительность рабочего дня пережила большую эволюцию. Нельзя сказать, чтобы эволюция эта все время шла в сторону хотя бы и медленного, но неуклонного сокращения рабочего дня. Исторически обстоятельства складывались так, что сокращение рабочего дня чередовалось с удлинением его. Одна эпоха сменяла другую.

Поводом для издания первого закона о рабочем дне в Англии послужила эпидемия чумы, настолько уменьшившая население, что, по словам одного английского писателя, «трудность найти рабочих по разумным ценам стала поистине невыносима». Закон этот издан был в 1349 году и предписывал «разумную» заработную плату, так же, как и пределы рабочего дня.

Статут 1496 года, изданный при Генрихе VIII, определял, как известно, не максимальный, а минимальный рабочий день. Рабочий день ремесленников и сельскохозяйственных рабочих с марта до сентября определяется в 14—15 часов: от 5 утра до 7—8 вечера. Но при этом закон предусматривает 3 перерыва в общей сложности на 3 часа. Зимой работа должна была продолжаться с 5 утра до сумерек. Статут Елизаветы от 1562 года оставлял прежнюю продолжительность рабочего дня, но сокращал время перерывов до 2½ часов летом и 2 часов зимой. С половины XIV века до конца XVII столетия существуют принудительные законы об удлинении рабочего дня.

В последней трети XVII века, по данным профессора Герк-

нера *), в Англии существовал 10-часовой рабочий день, при 2-часовом обеденном перерыве.

По данным английских исследователей Сиднея Вэбба и Харольда Кокса, дело обстояло так:

— «В конце царствования Елизаветы, — пишут они, — рабочие и ремесленники, кажется, впали в такое экономическое порабощение, которое превосходило собою все, что отмечено в XIV и XV столетиях. В конце XVII века рабочая неделя состояла, по крайней мере, из 72 часов **).

Введение машин приносит с собой на первых порах не сокращение, а увеличение рабочего дня. У работодателя появились новые, т.-е. сверхкомплектные мотивы для того, чтобы стремиться увеличить рабочий день. Ему хочется, чтобы машина работала беспрестанно, чтобы «даром» не пропадала ни одна минута. Он стремится до дна использовать новое положение, когда производительность его предприятия необычайно увеличилась. К тому же введение машин сразу освободило много рабочих рук, создало избыточную армию, и тем самым сделало рабочего покладистее и уступчивее.

Предприниматель чувствует себя участником какого-то бесшестного состязания. Со сладострастием прислушивается он к грохоту машин и готов пойти на самые жестокие меры против рабочих, чтобы только свести к минимуму перерывы в производстве.

Введение машин увеличивает рабочий день не только в тех предприятиях, которые непосредственно перешли к применению машины. Домашняя промышленность и отсталая мануфактура стараются подтянуться, чтобы, не взирая ни на что, выдержать конкуренцию с предприятиями, пользующимися новейшими машинами. Выход для этого один: непомерное увеличение рабочего дня.

Введение машин облегчает капиталу привлечение на фабрику женщин и детей. Конкуренция на рынке предложения труда возрастает. Это опять-таки служит новым фактором увеличения рабочего дня.

Маркс в «Капитале» рассказывает об одном реакционном

*) Н. Herkner. «Arbeitszeit». Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 1901. В. I, S. 1195.

**) Вэбб и Кокс. «8-часовой рабочий день». 2-е русск. изд., стр. 16.

английском писателе, который в 1770 году доказывал, как «опасно потакать сброду в промышленном государстве», и проповедывал «для искоренения лени, распутства и романтических бредней о свободе» устройство «идеальных рабочих домов» или «домов ужаса», где работа продолжалась бы по 14 часов в сутки, включая сюда время для еды — так, чтобы получалось 12 часов чистой работы. Маркс саркастически замечает:

— «Двенадцатичасовой рабочий день в доме ужаса 1770 года. Дом ужаса для пауперов, о котором только мечтала капиталистическая душа 1770 года, осуществился... Он назывался фабрикой» *).

Только через 63 года после провозглашенного в 1770 году «дома ужаса» «идеал» этот был признан в Англии официально изданием в 1833 году закона, которым вводилось 12 полных рабочих часов в день для детей 13—18-летнего возраста, — да и то лишь для четырех отраслей фабричного труда. Вплоть до 1860 года в области ограничения труда взрослых женщин ни одно из самых «передовых» государств — ни Франция, ни Германия, ни Австрия, ни Швейцария — не пошла дальше этого идеала. Самое большое, что было достигнуто до этого времени во всех этих государствах, это — ограничение рабочего дня 12½—12-ю часами только для детей.

Вполне понятно поэтому, что, начиная с 40-х годов и почти до самого конца XIX столетия, пролетариат промышленных стран делает главным своим экономическим требованием — сокращение рабочего дня.

«В начале XIX века в Англии, — говорит Геркнер **, — совершенно перестали соображать, что рабочие все-таки остались живыми людьми и не могут работать день и ночь, так же, как машины. Один из известнейших английских врачей, на вопрос парламентской комиссии, вреден ли для молодых рабочих 17-18 или даже 23-часовой рабочий день, ответил: нет, не вреден. Тогда его спросили: так как вы сомневаетесь, чтобы 23-часовой рабочий день вредил здоровью рабочего подростка, то что скажали бы вы о 24-часовом рабочем дне? «Я, — ответил врач, — не мог бы указать границы ниже 24 часов. Ряд убедительнейших

*) «Капитал», 1, 241, русск. пер. Степанова и Базарова.

**) H. Hergner. «Arbeitszeit». Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 1909, B. I, S. 1195.

фактов заставляет меня отвергнуть те общие места, которыми любят угождать по поводу мнимого вреда такой продолжительности рабочего дня».

Дальше этого, конечно, некуда идти.

При таком положении вещей было совершенно неизбежно, что именно борьба за сокращение рабочего дня заполнила собой несколько десятилетий — вплоть до последней четверти XIX столетия. Инстинкт самосохранения подсказывал рабочим, что, если они не добьются сокращения рабочего дня, физическое вырождение пойдет вперед семимильными шагами. Бешеному разгулу капиталистических appetitов, лихорадочному стремлению капиталистов все больше и больше увеличивать рабочий день необходимо было противопоставить упорное стремление к сокращению рабочего дня. «Фабричные рабочие, особенно с 1838 года, сделали десятичасовой билль своим экономическим лозунгом, подобно тому, как хартия сделалась их политическим лозунгом», — пишет Маркс *) относительно английских рабочих. По мере того, как развивалась крупная промышленность в других странах света, там замечалось то же самое явление.

Наиболее важным этапом в борьбе европейского пролетариата за сокращение рабочего дня является как раз этот десятичасовой билль, т.-е. ограничение 10-ю часами труда детей, подростков и женщин в текстильной промышленности, проведенное английским парламентом в 1847 году.

На континенте наибольшее значение имели следующие отвоєванные рабочими законодательные акты. Во-первых, в Швейцарии закон 1848 года, изданный в Кантоне Гларус и совершенно запрещавший работу детей школьного возраста на хлопчато-бумажных прядильнях. Каутский **) справедливо отмечает, что в этом отношении швейцарский закон опередил даже Англию с ее мощной промышленностью. В 1864 году действие этого закона распространено было на все фабрики кантона и нормальный рабочий день сокращен до 12, а в 1872 году — до 11 часов. Народным голосованием 21 октября 1877 года во всей Швейцарии установлен на фабриках 11-часовой день для всех рабочих и запрещена работа детей до 14 лет.

*) «Капитал», 1, стр. 246.

**) «Законодат. охрана труда и 8-часовой рабочий день», русск. изд., стр. 43.

Во Франции 2 марта 1848 года, после Февральской революции, установлен был для Парижа 10-часовой, а для провинции 11-часовой день. Когда рабочие потерпели поражение в июньском восстании, декретом 9 сентября 1848 года уступка взята назад и установлен 12-часовой рабочий день. По поводу этого закона Маркс писал, что, несмотря на многие недостатки, «французский революционный метод обнаруживает свои особенные достоинства: одним ударом он диктует всем мастерским и фабрикам без различия один и тот же предел рабочего дня». Далее закон 19 мая 1874 года запрещает работу детей до 12 лет, оставляя при этом ряд исключений. В 1889 году проведен закон, запрещающий без всяких исключений работу детей моложе 12 лет и установивший для женщин 11-часовой рабочий день.

В Австрии законом 8 марта 1885 года запрещена работа детей моложе 14 лет и установлен 11-часовой рабочий день для всех рабочих.

В Германии запрещен детский труд до 12 лет. От 12 — 14 лет дети могут работать только 6 часов, от 14 — 16 лет только 10 часов. В 1900 году рабочий день малолетних от 13 — 14 лет ограничен 6 часами, от 14 лет — 10 часами и рабочий день женщин старше 16 лет ограничен 11 часами в день и 65 часами в неделю.

В Бельгии законами 1889 и 1892 годов воспрещен труд детей моложе 12 лет и подлежат защите закона мальчики до 16 лет и женщины до 21 года.

В Италии по закону 19 июня 1902 года запрещен труд детей до 12 лет, ограничен 11 часами труд детей от 12 — 15 лет. Женщины в возрасте от 15 лет работают 12 часов, а в неделю 72 часа.

Разумеется, часто рабочий день фактически гораздо длиннее, чем то предусматривает закон. Ниже мы познакомимся подробнее с данными о фактической длине современного рабочего дня в Западной Европе и Америке. Сейчас важно было лишь вкратце отметить, к каким результатам в области законодательства привела борьба европейского пролетариата за сокращение рабочего дня, заполнившая собой несколько десятилетий XIX века.

II.

В новейшую эпоху рабочего движения замечается преобладание нового мотива в рабочих требованиях. Во всех странах

развитого рабочего движения в экономических стачках рабочих требование повышения заработной платы преобладает над требованием сокращения рабочего дня. Относительно стран с хорошо поставленной статистикой мы можем это доказать с 1899 года по 1905 год с точными цифрами в руках.

В Германии за это время экономических стачек из-за заработной платы было в среднем по 1.147 в год, а из-за рабочего дня только по 372 в год, т.-е. втрое меньше. В 1906 году соответствующие цифры: 2.510 стачек из-за заработной платы, 1.019 — из-за рабочего дня^{*)}, т.-е. опять-таки из-за рабочего дня забастовок было в $2\frac{1}{2}$ раза меньше.

В Австрии стачки из-за заработной платы составляли в 1894—1903 гг. — 64,9%, в 1904 году — 66,7%, в 1905 году — 69,7%, в 1906 году — 71,6%. Между тем из-за длины рабочего дня было забастовок в те же периоды времени: 29,9%, 28%, 29,8% и 35,4%^{**)}.

Относительно Бельгии Н. Soetber пишет, что: «более половины экономических стачек происходит из-за заработной платы».

Во Франции стачки из-за заработной платы составляли в 1904 году — 57%, в 1905 году — 69%, в 1906 году — 60,88%, между тем как стачки из-за рабочего дня дали только около четверти всех экономических конфликтов.

В Англии тоже замечается сильное преобладание стачек из-за заработной платы над стачками из-за рабочего дня. За годы 1897—1904 было стачек из-за заработной платы около 64%. Между тем как все остальные стачки (в том числе из-за рабочего дня) дали лишь $33\frac{1}{3}\%$ (М. Бирмер).

В Италии за 1892—1904 годы из 4.843 стачек 2.607 (54%) произошли из-за заработной платы. «Борьба из-за сокращения рабочего дня отступает на задний план», — пишет М. Бирмер^{***)}.

В Голландии, «как везде», — пишет тот же автор, — среди экономических стачек преобладали стачки из-за заработной платы.

Особенно разительны цифры, приводимые Бирмером относительно Соединенных Штатов. За период 1881—1905 годов в Америке произошло 36.758 стачек с 9.529.434 участниками.

^{*)} K. Oldenberg. «Arbeitseinstellungen in Deutschland». Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 1909, B. I, S. 954.

^{**)} Victor Matija. «Arbeitseinstellungen in Oesterreich». Ibid., S. 968.

^{***)} M. Biermer. «Arbeitseinstellungen in Italien». Ibid., S. 1023.

40,72% всех этих стачек добивалось повышения заработной платы, 32,24% стачек выставляли единственным требованием повышение заработной платы. Из-за сокращения рабочего дня за этот период возникло только 9,78% стачек.

Факт несомненен: стачки из-за заработной платы несравненно чаще, чем стачки из-за рабочего дня. Чем объяснить это явление?

Причин — несколько.

Прежде всего — в области сокращения рабочего дня пролетариат передовых капиталистических стран все-таки за XIX столетие кое-чего добился. Что бы там ни было, а все же теперь мы видим законы о максимальном, а не о минимальном рабочем дне. Алчному стремлению капиталистов безмерно увеличивать рабочий день дан серьезный отпор. Эта историческая задача, поставленная перед пролетариатом в определенную эпоху капиталистического развития, в общем и целом выполнена. Перед международным капиталом вырос барьер. Дальше ни шагу, — сказали рабочие.

Вторая причина та, что в области заработной платы капиталисты оказывают рабочим относительно меньшее сопротивление, чем в области рабочего дня. Рост товарных цен делает неизбежным повышение номинальной заработной платы. Затем капиталист при прочих равных условиях отдает предпочтение повышению заработной платы перед сокращением рабочего дня потому, что сокращение рабочего дня, увеличивая досуг пролетария, непосредственно создает условия для большего укрепления рабочих организаций.

В Германии, например, где классовая борьба в последние десятилетия достаточно напряжена, за последние семь отчетных лет «свободные» (т.-е. социал-демократические) профессиональные союзы своей стачечной борьбой отвоевали: увеличение заработной платы для 3.932.736 рабочих, а сокращение рабочего дня лишь для 1.691.517 рабочих. По годам соответствующие цифры таковы. Сделаны известные завоевания:

Годы.	В области зараб. платы для:	В области сокращения рабоч. дня для:
1905.....	392.146 чел.	167.831 чел.
1906.....	646.131 »	331.180 »
1907.....	474.704 »	238.190 »
1908.....	236.641 »	59.834 »

Годы.	В области зараб. платы для:	В области сокращения рабоч. дня для:
1909.	243.400 чел.	66.701 чел.
1910.	827.627 »	216.280 »
1911.	592.066 »	293.316 »
1912.	530.021 »	378.185 » *)

Число рабочих, которых за последние годы так или иначе коснулось увеличение заработной платы, в два с лишним раза больше числа рабочих, которых коснулось сокращение рабочего дня.

Третья основная причина та, что для широких масс рабочих, малоискусшенных в классовой войне, борьба за увеличение платы, сталкиваясь в известной степени с наименьшим сопротивлением, в то же время более привлекательна, более понятна и близка. Нищенствующему, обремененному семьей, голодному рабочему кажется, что если он, вместо рубля в день, станет зарабатывать 1 р. 10 к. или, вместо 25 рублей в месяц, 30 рублей,— жизнь его сразу станет легче. Работать, надрывая свое здоровье, лишний час он готов — только бы можно было накормить детей и обути семью. Отсюда и такое страшное распространение сверхурочных работ среди неорганизованных рабочих. Только бы добыть «лишний» гривенник к скудному, голодному заработку. Нужен известный опыт, известный минимум понимания всего механизма капиталистического способа производства, чтобы уразуметь, что заработанные сверхурочным трудом гроши капиталист в конце концов отнимет у рабочего, изменяя уровень заработной платы и т. д. Дороговизна жизни страшно растет с каждым днем и все больше и больше давит на рабочего. Рядовой рабочий надеется спастись тем, что все свое внимание концентрирует на увеличении заработной платы, оставляя на втором плане борьбу за сокращение рабочего дня.

Сознательный авангард организованных рабочих, разумеется, смотрит на это иначе. Он отлично понимает, что не всякое номинальное повышение заработной платы есть в то же время реальное повышение ее, ибо часто цены на предметы первой необходимости за тот же период возрастают больше, нежели

*) См. ряд таблиц, на основании которых мы получили эти данные, в «Correspondentenblatt der Generalkommission der Gewerkschaften», сентябрь, 1913 года.

заработная плата. Он знает, что с точки зрения общих эмансипационных задач рабочего класса именно сокращение рабочего дня является более важным, основным и кардинальным требованием. Всякое сокращение рабочего дня уже само по себе приписит благо рабочему и является действительным улучшением. Исключение составляют только случаи одновременного увеличения интенсификации труда (пример: система Тэйлора ⁽²⁾), которые при сокращенном дне грозят потребовать большей затраты рабочей энергии, чем даже при более продолжительном рабочем дне.

Авангард организованных рабочих отдает себе отчет в том, что самое важное значение имеет именно борьба за сокращение рабочего дня. Вот почему во многих стачечных инструкциях европейских профессиональных союзов мы видим прямые постановления относительно того, что при прочих равных условиях борьбе за сокращение рабочего дня следует отдавать предпочтение перед борьбой за увеличение заработной платы. Союзам, однако, приходится считаться с менее опытными рядовыми членами, да и с неорганизованной массой, с будущими членами союза.

Классовая борьба — лучший учитель. Ход ее медленен, но верно учит массу рядовых рабочих тому, что правы рабочие организации, когда они выдвигают на первый план более трудную, но более важную борьбу за сокращение рабочего дня. Накопляется целый ряд признаков, с несомненностью говорящих о том, что в ближайшую эпоху требование сокращения рабочего дня зазвучит сильнее и займет более видное место. Приближается момент, когда европейский пролетариат должен и может сделать новые завоевания в области сокращения рабочего дня. В XIX веке, выставив требование 10- и 9-часового дня, рабочие отвоевали законы о 12- и 11-часовом дне. В приближающуюся историческую эпоху рабочие, выдвигая требование 8-часового рабочего дня (а местами и 6-часового), завоюют, быть может, для начала 8½, и, затем и 8-часовой рабочий день.

Наше время есть время неудержимого роста рабочей организации. Рабочее движение становится все более планомерным. Все больше руководится оно классовым разумом. Все больше отходит на задний план стремление идти по линии наименьшего сопротивления. При таких условиях борьба за сокращение рабочего дня неминуемо должна занять главенствующее место,

неминуемо должна окрасить собою следующий этап в мировом рабочем движении. Можно, не рискуя ошибиться, сказать: ближайшая историческая эпоха в рабочем движении капиталистически развитых стран будет эпохой борьбы за 8-часовой рабочий день.

III.

Главнейшим доводом капиталистов и их идеологов против сокращения рабочего дня всегда было указание на то, что это сокращение задержит развитие промышленности. Ученые буржуазные экономисты в течение целых десятилетий «научно» обосновывали этот тезис до тех пор, пока громадный опыт не доказал обратного и сухие цифры стали настолько убедительными, что сколько-нибудь добросовестные писатели не смогли уже больше утверждать старого тезиса. Сдавая эту позицию, буржуазные идеологи любят брать реванш, утверждая, что Маркс и Энгельс тоже когда-то опасались сокращения рабочего дня как фактора, задерживающего развитие промышленности. Так поступает, например, известный профессор Геркнер⁽³⁾ в своей недавней — вообще говоря, очень интересной — работе «О рабочем дне».

Каковы были в действительности взгляды Маркса и Энгельса на этот предмет?

В указаниях Геркнера верно только одно, что взгляды основоположников научного социализма на значение сокращения рабочего дня сложились не сразу. В самую раннюю эпоху литературной деятельности Маркса и Энгельса, в начале 40-х годов у них (главным образом, у молодого Энгельса) действительно встречаются мимолетные замечания, которые можно истолковать в желательном для Геркнера духе.

Геркнер ссылается на две фразы. Во-первых, — в «Heilige Familie»⁽⁴⁾, написанной в 1844 году; и, во-вторых, — в статье Энгельса «О десятичасовом биле», написанной немного позднее.

«Heilige Familie», как известно, — общая работа Маркса и Энгельса. Фраза, о которой идет речь, принадлежит Энгельсу: вся глава, из которой она заимствована — «Die Kritische Kritik als Mühleigner oder die Kritische Kritik als Herr Jules Faucher» *)

*) «Критическая критика, как мельник, сиречь фабрикант, или же критическая критика в лице Юлиа Фаухера».

написана Энгельсом. В полемике против представителя «Критической критики» Jules Faucher'a⁽⁵⁾ из «Всеобщей Литературной Газеты»⁽⁶⁾ и брошена мимолетная фраза молодого Энгельса. Среди целого ряда других материй полемика касалась и вопроса о значении подготовлявшегося тогда 10-часового билля в Англии. «Критическая критика» отнеслась с уверенным презрением к этой законодательной мере и настаивала на том, что она, во всяком случае, не может рассматриваться как радикальная мера, как «могучий удар топором под самый корень дерева». Вот по поводу этой фразы молодой Энгельс мимоходом замечает, «что в отличие от «критической критики» — фабриканты, чартисты, землевладельцы, словом вся «масса» английского населения до сих пор видела в этом мероприятии (10-часовой билль) выражение — правда, очень слабое — весьма радикального принципа. Это мероприятие есть удар топором под самый корень внешней торговли. Этим самым топором ударяет и под корень самой фабричной системы — нет, даже не просто ударяет, а очень глубоко вонзается в этот корень»⁽⁷⁾).

Некоторое преувеличение роли 10-часового билля действительно содержится в приведенных словах. Исторически оно вполне понятно. Это было первое сколько-нибудь серьезное законодательное ограничение эксплуатации наемного труда.

Фр. Меринг⁽⁷⁾ полагает, что так же, как «вся масса английского населения», думали тогда и сами Маркс с Энгельсом. Преувеличивая значение 10-часового билля, они в то же время «думали тогда, что 10-часовой билль представляет собой реакционную помеху для развития крупной промышленности».

— «Они,— продолжает Меринг,— не спорили, конечно, против необходимости для пролетариата более короткого рабочего дня, но они полагали, что это станет возможным и само собой осуществится лишь с победой социальной революции. На почве капиталистического общества они считали это иллюзией, которая, несмотря ни на какие законы, будет разрушена крупной промышленностью и которая, под страхом самоубийственных последствий, должна быть разрушена. Только практические последствия 10-часового билля в Англии научили Маркса и Энгельса более правильным взглядам на этот счет»⁽⁸⁾).

⁽⁵⁾ См. «Aus dem litterarischen Nachlass», т. II, стр. 109.

⁽⁸⁾ Меринг, примечания к «Nachlass», т. II, стр. 76.

Вторая фраза, дающая возможность истолковывать в указанном духе более ранние взгляды Маркса и Энгельса, такова:

В статье Энгельса «О 10-часовом билле» он замечает:

— «В то время как он (т.-е. билль) значительно задерживал быстрое развитие богатства, влияния законодательной и политической власти фабрикантов, он давал рабочим только материальную, собственно даже чисто «физическую выгоду» («ja ausschliesslich physischen Vorteil» *).

Это писано в 1850 году.

Между тем в «Коммунистическом Манифесте», писанном в конце 1847—начале 1848 года, мы находим оценку 10-часового билля, как большого завоевания рабочих.

— «Используя разногласие внутри буржуазии, — пишут там Маркс и Энгельс, — она (т.-е. «организация пролетариев в класс») вынуждает признание в законодательной форме отдельных интересов рабочих. Таков 10-часовой билль в Англии **).

За толкование Меринга говорят тот факт, что, перечисляя в «Коммунистическом Манифесте» в 10 пунктах главные требования «коммунистов», авторы ни одного слова не говорят о сокращении рабочего дня, выдвигая из этой сферы только требование «устранения фабричного труда детей в теперешней его форме» ***).

Неясность во взглядах Маркса и Энгельса на этот счет во всяком случае быстро исчезает. Они скоро выступают самыми горячими проповедниками сокращения рабочего дня — уже в рамках капиталистического строя. В известном учредительном адресе старого Интернационала Маркс заявляет:

«И потому закон о 10-часовом рабочем дне в Англии является не только крупным практическим успехом, но и победой принципа: впервые при ярком свете дня политическая экономия буржуазии была побеждена политической экономией пролетариата».

В 1866 году женеvский съезд Интернационала принял резолюцию, написанную Марксом, в которой говорилось:

«Мы объявляем ограничение рабочего дня предварительным условием, без которого все другие стремления к эмансипации

*) «Nachlass», т. III, стр. 386.

**) «Комм. Маниф.», немед. изд. 1906 г., стр. 30.

***) Там же, стр. 38.

неизбежно потерпят крушение... Мы предлагаем признать 8 часов труда законным пределом рабочего дня».

Уже на этом конгрессе из-за приведенного решения сторонникам Маркса и Энгельса пришлось выдержать известную борьбу с анархически настроенными делегатами. Когда же весной 1872 г. на испанском конгрессе в Сарагоссе отклонено было всякое обсуждение вопроса о 8-часовом рабочем дне на том основании, что выставленное требование 8-часового дня якобы «было бы равносильно ограничению великой цели труда»^{*)}, — никто так не бичевал этого решения, как Маркс и Энгельс.

В первом томе «Капитала» Маркс в 1867 году с восторгом пишет о том, что «первым плодом гражданской войны (в Америке) была агитация за восьмичасовой рабочий день, перешагнувшая семимильными шагами локомотива от Атлантического океана до Тихого, от Англии до Калифорнии».

Нечего и говорить о том, что во всем дальнейшем движении за сокращение рабочего дня сторонники учения Маркса и Энгельса принимают самое горячее участие.

IV.

Движение в пользу 8-часового рабочего дня имеет уже свою большую историю.

В 1833 году Роберт Оуэн⁽⁸⁾ составил в целях агитации катехизис, в котором один из вопросов гласил: «Почему ты должен определить рабочий день максимумом 8 часов?».

Ответ гласил:

«1. Потому что это — предельный период физического напряжения, который может перенести средний человек, оставаясь здоровым, интеллигентным, добродетельным и счастливым».

«2. Потому что современные открытия в области химии и механики делают излишним большой период физического напряжения».

«3. Потому что при 8-часовом труде, при наличии соответствующих общественных учреждений, может быть создан избыток богатств для всех».

«4. Потому что ни один человек не имеет права требовать, чтобы его ближние работали больше, чем необходимо для обще-

^{*)} Цитируем по Иекку: «Интернационал», стр. 56.

ства в целом, — только для того, чтобы он сам разбогател, сделав других бедняками».

«5. Потому что действительным интересом всякого человеческого существа является, чтобы всякое другое человеческое существо пользовалось здоровьем, довольством и богатством».

Роберт Оуэн высказал идею 8-часового рабочего дня еще в 1817 году *). Но, разумеется, при его общем взгляде на вещи его постановка вопроса о 8-часовом рабочем дне оставалась совершенно абстрактной.

Английские исследователи С. Вэбб и Х. Кокс рассказывают, что предание приписывает происхождение идеи 8-часового рабочего дня королю Альфреду, который будто бы посвящал 8 часов в сутки на труд, 8 — на сон и 8 — на отдых и умственные занятия. Но это предание, замечают сами они, несколько «фантастично».

В Великобритании — говорят те же исследователи — восьми-часовое движение есть законный потомок агитации, имевшей своим последствием билль 1847 года о 10-часовом дне.

В Америке 8-часовой рабочий день сделался главным стремлением рабочих организаций со времени громадного развития промышленности после окончания войны из-за освобождения негров.

На континенте Европы 8-часовой закон был одним из наиболее драгоценных стремлений 1848 года. Движение это ведет свое начало, главным образом, с образования Интернационала в 1864 году и первоначально получило толчок от статей Карла Маркса, — признают Вэбб и Кокс **).

Последнее признание особенно ценно в устах этих умеренных авторов, которые с гордостью говорят про себя в цитированном сочинении: «Мы доказываем, что такой метод промышленной демократии, как стачки, равносильен междоусобной войне и составляет остаток варварства (1), очень убыточного и даже опасного для нации» (стр. 8)...

В 1858 году углекопы-забойщики Западного Йоркшира ведут победоносную войну за 8-часовой день. На Бирмингемском конгрессе рабочих союзов Англии в 1869 году впервые принята

*) Геркнер. «Arbeitszeit».

**) Вэбб и Кокс, «8-часовой рабочий день». 2-е русск. изд., стр. 15.

резолуция с требованием 8-часового рабочего дня для всех рабочих Англии. Два года спустя, в 1871 г., на конгрессе в Лондоне эта резолюция вновь принимается единогласно. С тех пор агитация за 8-часовой рабочий день в Англии уже не прекращается, и теперь даже умеренные элементы английского рабочего движения стоят за 8-часовой рабочий день.

В Австралии 8-часовой день уже завоеван для некоторых отраслей промышленности; в ней агитация за 8-часовой день ведет свою летопись с митинга каменщиков в Мельбурне в апреле 1856 года. На этом митинге образована «8-часовая лига». Под ее руководством отвоеван 8-часовой день для всех ремесленников Мельбурна. С тех пор 22 апреля ежегодно справляется общественное празднество, известное под именем «Восьмичасового дня».

В Америке генеральный рабочий конгресс в Балтиморе (16 августа 1866 года) заявляет:

— «Первым и великим требованием современности является освобождение труда этой страны от капиталистического рабства посредством издания закона, который признал бы 8-часовой день нормальным рабочим днем во всех штатах Американского союза. Мы решились напрячь все наши силы для борьбы за достижение этого славного результата».

В 1867—1869 гг. на конгресс вносятся уже первые законопроекты о 8-часовом дне. Формируется «лига 8-часового дня» во многих штатах. В 1880—1890 годы движение за 8-часовой день принимает очень серьезные размеры.

Во Франции в 1864—1871 гг. Интернационал ⁽⁹⁾ очень энергично развивал агитацию за 8-часовой день. Парижская Коммуна ⁽¹⁰⁾ установила его для булочников. Белый террор, возникший после подавления Коммуны, на время задерживает агитацию за 8-часовой день, которая возобновляется лишь в 1880 году по инициативе «Рабочей Партии».

В Германии на известном объединительном съезде германской социал-демократии в Готе в 1875 году говорилось еще только о «сокращении рабочего дня» в общих выражениях^{*}). Прямая агитация за 8-часовой день начинается несколько позднее.

В 1889 году возродившийся новый Интернационал с особой

^{*}) Пункт 4-й требовал «нормального рабочего дня, соответствующего общественным потребностям».

силой выдвигает требование 8-часового дня. Оба парижских международных конгресса (и POSSИБИЛИСТОВ и марксистов) одинаково подчеркивают это требование. Конгресс марксистов соединяет это требование с предложением манифестации 1 мая.

Знаменем времени является то, что первым словом возродившегося Интернационала было требование 8-часового рабочего дня. Это свидетельствует о том, что это требование больше, чем какое-либо другое, назрело, что оно сильнее всего рвется из груди интернационального пролетариата.

С тех пор требование это становится основным требованием всемирного рабочего движения. Оно усваивается всеми профессиональными союзами, стоящими на почве классовой борьбы, и оно переходит в программы социалистических партий буквально всех стран как старого, так и молодого рабочего движения. Теперь нет уже во всем мире ни единой социалистической партии, которая не внесла бы в свою программу требование нормального (или максимального)* 8-часового рабочего дня.

V.

Каковы же результаты борьбы всемирного пролетариата за 8-часовой рабочий день? Где завоеван 8-часовой день уже сейчас?

В некоторых — преимущественно наиболее вредных для здоровья отраслях промышленности, несмотря на сопротивление господствующего класса, 8-часовой рабочий день начинает становиться преобладающим. Такова прежде всего горная промыш-

*) К. Каутский настаивает на том, что слово «нормальный» точнее и лучше выражает требование рабочих, так как в законе о 8-часовом дне речь должна идти не только о продолжительности рабочего дня, но и, например, о сроке перерывов, о часе окончания работ и т. д. Это — верно. Но слово «максимальный» — тоже имеет свои преимущества: оно подчеркивает то, что рабочие могут стоять и за более короткий день и только в данный момент соглашаются с максимумом на 8 часов труда. Ведь в Америке теперь рабочие уже требуют 6-часового рабочего дня. Для отдельных категорий рабочих (горнорабочие и т. д.) и европейские социалисты теперь уже требуют 6-часового рабочего дня. Кроме того, для ряда опасных производств (например, резинового производства) социалисты требуют рабочего дня еще более короткого, чем 6 часов. В отдельных случаях также существующее законодательство (в Германии — при вулканизации резины) признает уже такой короткий день.

ленность. Эта промышленность относится к числу самых старых отраслей человеческого труда. Добыча угля и железа становится все более важной отраслью народного хозяйства. Армия горнорабочих разрастается и достигает теперь 5.400.000 человек. Особенно тяжкие условия подземного труда заставляют горнорабочих энергично бороться за сокращение рабочего дня.

Но 8-часовой день для горнорабочих то же, что 12-часовой день для рабочих иных профессий. Работа под землей требует огромного напряжения и быстро истощает силы. Вот почему социалисты (см. также законопроект РС-ДРП ⁽¹¹⁾) требуют для горнорабочих 6-часового дня. То же относится и к другим, особо опасным для здоровья, производствам.

Кроме горнорабочих в некоторых странах восьмичасовым рабочим днем пользуются рабочие, занятые в предприятиях, принадлежащих государству, затем рабочие, занятые в производствах, связанных с ртутью и другими ядовитыми веществами и т. п.

В Англии горнорабочие в 90-х годах сосредоточивают свою, борьбу на требовании 8-часового дня. В 1893 году бастуют 400.000 углекопов в течение 4½ месяцев. С 1897 по 1904 год в горной промышленности зарегистрировано 1.116 стачек с 778.600 участниками. В 1908 году законом признан 8-часовой день для угольных копей. В Нортумберленде и Дергеме горнорабочие работают уже только 7 часов, и эта мера имеет значение лишь для углекопов Шотландии, Ланкашира и Валлиса.

В Бельгии среди горнорабочих за 1896 — 1905 годы было 245 стачек горнорабочих с 189.900 участниками. Главное требование — 8-часовой рабочий день. В угольных копях введен 8-часовой день.

Во Франции законом 1909 года для подземных рабочих признан 8-часовой день. Среди остальных горнорабочих 8-часовой день отвоеван лишь частично. Главная борьба горнорабочих с 900-х годов концентрируется вокруг этого требования. Закон 1909 г. не засчитывает в рабочее время спуска и подъема.

В Германии часть горнорабочих работает еще 10 — 12 часов (Силезия), но другая часть (Рурский бассейн и др.) завоевала 8-часовой день, при чем, однако, время спуска и подъема не засчитывается в рабочий день.

В Австрии рабочий день горнорабочих ограничен 9 часами, при чем сюда включается время на спуск и подъем.

В Нидерландах введен 8-часовой день для некоторых категорий подземных рабочих.

В Америке в 8 штатах установлен 8-часовой день для взрослых в копиях и рудниках.

В Новом Южном Уэльсе и Западной Австралии труд взрослых под землей ограничен 8 часами.

Почти во всех промышленных странах законодательство особо выделяет горнорабочих. Только в России до 1897 года на этих рабочих даже не распространялось наше убогое рабочее законодательство, да и теперь горнорабочие России не пользуются еще в полной мере общей охраной труда.

В Англии с 1893 года введен 8-часовой рабочий день для рабочих, занятых в государственных предприятиях, работающих на армию и флот. В Австралии — в Мельбурне $\frac{3}{4}$ всего рабочего населения (60 профессий) в 1891 году завоевало уже 8-часовой день. В Новой Зеландии 9-часовой день вообще нашел себе большое распространение^{*)}. В Сиднее 8-часовой день установлен в различных отраслях промышленности. То же в Брисбене, Аделаиде. В Америке в нескольких штатах установлен 8-часовой день для водопроводчиков, строительных рабочих и паяльщиков. В 1904 году насчитывалось в Америке 396 предприятий (занято было 129.102 рабочих) с 8-часовым рабочим днем. В Германии только в некоторых цехах аккумуляторных фабрик работают 8 часов; то же — в оптических мастерских Цейса в Иене, в королевских фарфоровых мастерских и др. В некоторых отраслях резинового производства, при употреблении серо-углерода, установлен 8-часовой день, местами газовые рабочие завоевали 8-часовой день. В Австрии 8-часовой день отвоеван несколькими тысячами рабочих.

В Испании все казенные заводы и фабрики с 1902 года работают 8 часов.

В Италии 8-часовым днем пользуются мастерские морского министерства.

Во Франции — мастерские министерства торговли, промышленности, почт и телеграфов, артиллерийские мастерские Тулона, котельные — в Лориане и некоторые другие.

Вот почти и все данные об отвоеванном уже 8-часовом рабо-

^{*)} Проф. Геркнер объясняет это благоприятными климатическими условиями и особой социально-политической констелляцией.

чем дне, которые нам удалось найти в печати. В данной стадии развития 8-часовой рабочий день является только исключением. В своей громадной массе рабочие всех стран работают еще несравненно больше, чем 8 часов в день. Наиболее распространенным является 10-часовой рабочий день и в лучшем случае — 9 — 9½-часовой день. Весьма часто встречается и 11-часовая работа.

По новейшим данным составляется следующая картина рабочего дня, существующего в переживаемую эпоху в различных государствах.

В Англии — 10 — 11-часовой день. Сокращение рабочего дня идет очень туго. За десятилетие 1897 — 1906 только в 1902 году для 1.051.983 рабочих добыто сокращение рабочего дня на 1 час в неделю. В течение всех остальных лет средним числом лишь для 50 тысяч рабочих в год удавалось отвоевывать небольшое сокращение рабочего дня (от 1½ до 4 часов в неделю).

В Америке наиболее распространенным является 10-часовой день. В новейшее время тенденция явно идет к завоеванию 9-часового дня. Одиннадцати-часовой день еще сильно распространен в текстильной промышленности южных штатов и т. д. В производствах, требующих непрерывной работы, еще часто встречается 12-часовой рабочий день. Сокращение рабочего дня тоже идет крайне медленно. Если длину рабочего дня за период 1890 — 1899 гг. принять за 100, то длина рабочего дня в 1901 г. выражается цифрой 98,1, в 1902 г. — 91,3, в 1903 г. — 96,6 в 1904 г. — 95,9, в 1905 г. — 95,9, в 1906 г. — 95,4. Если, кроме того, принять во внимание необычайную интенсивность труда в Америке, то положение американских рабочих тоже рисуется в довольно мрачных красках.

В Германии по данным 1902 года из 813.560 фабричных работников 10 часов и менее работали 347.814 (42,7%) на 18.267 предприятиях (47,2%). Больше 10 часов работало 379.555 (46,7%) работников на 14.053 (36,3%) предприятиях. Больше всего распространен в Германии 10-часовой рабочий день. Строительные рабочие крупных центров Северной Германии отвоевали 9½ и 9-часовой день. Печатники, деревообделочники и некоторые другие во многих местах отвоевали 9-часовой рабочий день. Сокращение рабочего дня, как мы уже видели из цифр, опубликованных профессиональными союзами (см. главу II), идет крайне медленно и мучительно, несмотря на то, что сильнейшие в мире

2½-миллионные социал-демократические профессиональные союзы Германии концентрируют свое внимание именно на борьбе за сокращение рабочего дня.

В Австрии в 1885 году рабочий день законодательным путем ограничен 11 часами. Согласно данным 1906 года, в предприятиях, не требующих непрерывного производства, работало 8,8% рабочих — 9 часов и меньше, 45,9% рабочих — от 9 — 10 часов, 43,8% рабочих от 10 до 11 часов, 1½% рабочих — более 11 часов. Наиболее короткий день — у печатников, машиностроительных рабочих, электротехников и т. д.

Тем не менее, число рабочих часов, сработанных свыше 11-часовой нормы, сильно возрастает: в 1897 году таких часов было 1.906.123, в 1904 году — 3.840.223.

Из тарифных договоров, заключенных социал-демократическими профессиональными союзами Австрии до 1907 года, видно, что рабочий день этими договорами устанавливался следующий: 7½ — 8 часов для 4.714 рабочих, от 8½ до 8¾ часов для 31.529 рабочих, 9 часов для 105.350, 9¼ — 9¾ часов для 188.000, 10 часов для — 123.356, 10¼ — 10¾ для 11.500, 11 часов для 25.247, 11¼ — 12 часов для 9.000 *).

Из этих данных видно, что наиболее распространенным среди организованных рабочих Австрии является 9 — 9½ и 10-часовой рабочий день.

В Швейцарии наиболее распространенным является 10-часовой день при 9 и 8 часах работы в субботу. Наиболее длинный рабочий день — в текстильной промышленности и т. д. Во Французской Швейцарии (II округ) в 1907 году 66,6% всех предприятий работало 10 часов, в III округе 70% рабочих работало 10 часов. Наиболее распространен 10-часовой день и в I округе (Цюрих, Гларус, Ст. Галлен и др.).

Во Франции законом (1904 года) установлен 10-часовой рабочий день. Часто работают гораздо больше.

В Бельгии рабочий день сравнительно очень длинен. Согласно данным 1901 года, наиболее распространенным рабочим днем был 11½-часовой (44,11% всех обследованных рабочих) и 11-часовой (20,21% обследованных рабочих). 9% рабочих работало даже 12 — 13 часов. Согласно данным 1903 года, в металлической промышленности Бельгии дело несколько изменилось к лучшему.

*) См. J. Deutsch. «Die Tarifverträge in Oesterreich», Wien, 1908.

В Италии существует 10—12-часовой рабочий день и — выше.

Такова картина в самых общих чертах. Даже 10-часовой рабочий день отвоеван еще далеко не везде в самых «передовых» странах. Наибольшее упорство проявляют капиталисты именно в вопросе о длине рабочего дня. Завоевание 8-часового рабочего дня для всей многомиллионной массы промышленных (не говоря уже о сельских) рабочих является еще очень трудной, очень большой задачей. Трудной, но тем более грандиозной, тем более заслуживающей внимания и усилий всего мирового организованного пролетариата.

VI.

Проследим теперь — хотя бы в самых кратких чертах — эволюцию рабочего дня в России. Три периода намечаются сами собой: первый — до издания закона 2 июня 1897 года, единственного более или менее серьезного законодательного акта, касающегося рабочего дня взрослых рабочих; второй — от издания закона 2 июня 1897 года до 1905 года; третий — после 1905 года до наших дней.

Закон 2 июня 1897 года ограничивает рабочий день $11\frac{1}{2}$ часами, но тут же (§ 5) разрешает, в виде отступления, работу 12 часов, не говоря уже о сверхурочных работах. Закон 2 июня, как, впрочем, и другие «рабочие» законы, издан под непосредственным давлением стачечного движения рабочих. Массовое стачечное движение 90-х годов, дошедшее до высшего пункта во время известных петербургских стачек в мае 1896 года и в январе 1897 года ⁽¹²⁾ — вот что вынудило издать закон об $11\frac{1}{2}$ -часовом рабочем дне.

Закон 2 июня, как это почти всегда бывает с «рабочими» законами, только юридически санкционировал то, что фактически было уже завоевано борьбой рабочих. В Петербурге к этому времени фактически во многих случаях был уже завоеван 12-часовой и даже $11\frac{1}{2}$ -часовой день и меньше. Недаром уже в 1896 году владельцы петербургских бумагопрядилен — как сообщает Ланговой *) — ходатайствовали о немедленном воспрещении всем фабрикантам работать свыше (средним числом) 11 часов с небольшим в сутки.

*) Ланговой. «Нормирование продолжительности рабочего времени на фабриках», Петербург, 1897 г., стр. 13.

В Москве и вообще в Центрально-Промышленной области рабочее движение было слабее, и рабочий день там в это время большей частью превышал 12 часов. Отсюда — особое сопротивление именно московских фабрикантов против введения закона 2 июня. «Закон этот — пишет Туган-Барановский *) — явился компромиссом между требованиями петербургских и московских фабрикантов». Одни соглашались (под давлением рабочего движения) на 11-часовой день, другие кричали караул и уверяли что без 12-часового рабочего дня московская промышленность погибнет. Правительство выбрало «разумную середину»: 11½ часов. Конечно, оно не забыло попутно развязать руки тем фабрикантам, которые сочли еще необходимым принудить рабочих работать больше 11¼ часов.

По данным Е. М. Деметьева — в его известном исследовании «Фабрика, что она дает населению и что она берет у него» — к концу 80-х годов из 259 обследованных фабрик московского района на 114 (44%) существовал 13 — 13½-часовой день, на 30 (11,6%) работали 14 и 14½ часов, на 14 (5,4%) работали 15 и более — до 18 часов. И только на 75 (29%) фабриках существовал 12 — 12½-часовой день, да на 26 фабриках (10%) работали менее 12 часов **). По сведениям того же автора, охватывающим 451 фабрику и их отделения, 9 — 9½-часовой рабочий день существовал на 9 предприятиях (2%), 10 — 10½ — на 27 предприятиях (6%), 11 — 11½ — на 30 (6,6%), 12 — 12½ — на 150 (33,3%), 13 — 13½ — на 177 (39,2%), 14 — 14½ — на 44 (9,8%), 15 — 15½ — на 4 (0,9%), 16 — 16½ — на 2 (0,4%) и 18 часов на 8 предприятиях (1,8%) ***).

Отчаянно длинный рабочий день был в 90-х годах среди горнорабочих. На рудниках Кривого Рога в 80-х и 90-х годах обычным был 15½-часовой рабочий день (с 2-часовым перерывом), и это сохранилось и после вступления в силу закона 2 июня 1897 года. В угольных копях Славяносербского и Бахмутского уездов рабочий день равнялся 12 часам. В 80-х годах были случаи 14-часового дня. Там же на металлургических заводах рабочий день достигал 12 часов. В бакинской нефтяной промышленности в ту же эпоху существовал 12 — 14-часовой день.

*) «Фабрика», стр. 401.

**) Е. М. Деметьев. «Фабрика» и т. д., 2 изд., стр. 90.

***) Там же, 93 стр.

Бывали случаи и 18-часового дня^{*)}. Уже в середине 90-х годов среди горнорабочих Екатеринославской губернии и Сосново-Домбровского района начинается движение в пользу 8-часового рабочего дня. Относительно нефтепромышленных рабочих уже в 1897 году член горного ученого комитета Л. Бертенсон, обследовавший в конце 1906 года (по поручению министра земледелия и государственных имуществ) бакинские промыслы, приходит к заключению, что для некоторых категорий рабочих (кочегары и т. д.) «становится безусловно необходимым уменьшение работы до 8 часов в сутки»^{**)}.

На промыслах Марининского и Алтайского округов в 90-х годах существовал 13 — 15-часовой день. В Олекминском округе 12 — 13½-часов. В Амурской области — 13 — 14 часов^{***)}.

По данным Янжула⁽¹³⁾ в 80-х годах на 55 фабриках Московской губ. рабочий день продолжался 12 часов, а на 96 — от 12 — 18 часов.

На такой «образцовой» фабрике как Эмиля Цинделя в Москве еще в конце 90-х годов существовал 12-часовой рабочий день^{****)}.

В Петрограде, по данным г. Когана-Бернштейна, в 55 производствах существовал в 1885 году 11 — 15-часовой день, в 1894 — 1895 гг. из 363 заведений 89 работало 11½ часов и больше, а остальные — 12 часов и больше (доходило до 14½ и 15^{*****)}).

Среди торговых служащих рабочий день до конца 90-х годов был неслыханно длинен: 16, 17 и 18 часов работы совсем не было редкостью. 14 часов считалось не слишком продолжительным рабочим днем^{*****)}. В 3 Думе докладчиком думской комиссии бароном Крюденер-Струве (октябрист) было засвидетельствовано, что труд торговых служащих доходил до 16 часов, а в некоторых отраслях торговли (гастрономические магазины и т. д.)

*) См. «Горнорабочие» в энциклопедии бр. Гранат, стр. 589 — 590.

**) Л. Бертенсон. «Бакинские нефтяные промыслы и заводы в санитарно-врачебном отношении», 1897 г., стр. 48.

***) В. Семеновский. «Рабочие на сибирских золотых промыслах», стр. 92.

****) С. П. Шестаков. «Рабоч. на мануфактуре т-ва Э. Циндель», стр. 1 прил.

*****) Бернштейн-Коган. «Численность, состав и положение Петербургских рабочих», СПб. 1910 г., стр. 130.

*****) Ср. М. Розен. «Очерки полож. тор.-пром. пролет.», 6.

до 17 часов. Средняя продолжительность торговли, если включить и мелкую торговлю, особенно съестными припасами, доходила до 17½ часов.

Так обстояло дело до издания закона 2 июня 1897 года, который, как известно, не был, однако, распространен на целый ряд отраслей труда.

Рабочее движение усиленно развивалось, приобретая, особенно с 1903 года, огромный размах. Попутно идет дальнейшая борьба за сокращение рабочего дня. В начале 1905 года, по данным фабричной инспекции, относящимся к 445 наиболее крупным предприятиям Московской губернии с 202.892 рабочими, оказывается, что «53% всех рабочих работало уже 11½ часов, 17% работало 11 и 10½ часов и около 30% работало 8—10 часов» *).

Памятный 1905 год дал особенно значительные результаты в области сокращения рабочего дня (как, впрочем, и в области увеличения заработной платы). В 1906 году в Московской губернии, по данным министерства финансов, 11½ часов работает уже только 24.100 человек (12% общего числа рабочих), 10½ часов — 29.438 человек, 10 часов — 76.857 (38%) и 9 часов — 5.127 человек. Самым распространенным оказывается 10-часовой день.

В Иваново-Вознесенске в 1907 году работают 9—10½ часов, в Костроме — 9—10½ часов, в Твери — 9—10 часов, в Орехово-Зуеве — 9—10½ часов, в Тейкове — 9—10½ часов.

В 1908 году, по данным инженера Кузьминых-Ланина **), охватывающим 219.669 рабочих Московской губернии, работало:

Длина рабочего дня.		Проценты рабочих.	
		Односменных.	Двухсменных.
До	8 часов	1,3	1,0
От	8—9 »	13,3	81,9
»	9—10 »	60,7	14,7
»	10—11 »	15,2	1,4
»	11—12 »	9,5	1,0
	12 и более	—	—

*) Цитируем по кн. Пажитнова «Положение рабочего класса», 2 изд., стр. 295.

**) «Продолжительность рабочего дня и рабочего года на фабриках и заводах Московской губернии», таблицы на стр. 8, 10 и друг.

17% рабочих двухсменных работает больше 9 часов, т.-е. больше, чем разрешает даже наш закон 1897 года, справедливо признаваемый г. К.-Ланиным за устаревший и отсталый. Все-таки, по сравнению с прошлым, большой прогресс: 9 — 10-часовой день преобладает.

Следующая таблица ясно показывает разницу в продолжительности рабочего дня в Московской губернии в 1896 и 1908 годах.

Работало рабочих в %/о:

		1896 г.	1908 г.
До	8 часов	—	4,3
»	8 — 9 »	—	13,3
»	9 — 10 »	—	60,7
»	10 — 11 »	10,8	16,2
»	11 — 12 »	18,0	9,5
»	12 — 13 »	40,0	—
»	13 — 14 »	24,0	—
»	14 — 15 »	7,2	— *)

Значительные завоевания в области сокращения рабочего дня сделали за 1905 год металлисты. На первой конференции металлистов в феврале 1907 года выяснено, что рабочий день у металлистов равнялся: в Петербурге — 8 — 10½ часов, Москве — 9 — 10 часов, Твери — 10 часов, Смоленске 9 — 11 часов, Туле — 8 — 14 часов, Витебске — 9 часов, Саратове — 10 часов, Мытищах — 9 часов, Серпухове 9½ часов, Баку — 8 — 9 часов, Луганске — 9 часов, Донеком бассейне — 9½ часов.

В 1908 году в Петербурге на 43 металлических предприятиях с 41.850 рабочими рабочий день был в среднем 9,7 часов, в субботу 7,1 часов **).

Во всей металлообрабатывающей промышленности России с 1 июля 1904 года по 1 июля 1905 года рабочий день сократился при односменной работе с 10½ часов до 10 часов **). На Бакинских нефтяных промыслах в 1905 году введен 9- и 8-часовой день. В мастерских казенных железных дорог после февральской 1905 года забастовки введен 9-часовой день. То же на заводах морского ведомства. Типографские рабочие отвоёвывают 9-часовой рабочий день почти во всех крупных рабочих центрах.

*) Всеросс. выставка в Киеве 1913 г. Диаграммы, стр. 25.

**) «Материалы об эконом. полож. и проф. организ. СПб. рабоч. по металлу», СПб. 1909 г., стр. 119.

В «пятом» году сделаны значительные завоевания, но не следует делать себе иллюзий. В годы контр-революции предприниматели в той или иной форме отняли добрую долю этих завоеваний. Усиленной практикой сверхурочных работ, необычайным повышением интенсивности труда и путем открытого восстановления старых порядков господ фабриканты и заводчики шли к своей цели.

«Со времени упадка рабочих организаций фабриканты немедленно приступили к восстановлению отношений и условий, бывших до 1905 года» — признается в своем отчете за 1907 г. старший инспектор Петроковской губ. *).

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 год констатирует, как общее явление, «стремление фабрикантов понизить расценки заработной платы и по возможности ликвидировать добытые рабочими в период забастовок 1905 — 1906 года улучшения условий труда» **).

Как показывают последние появившиеся в печати данные, господам предпринимателям — до начавшегося в 1912 году нового подъема рабочего движения — удалось многого добиться в области реставрации «добрых» старых времен.

Вот несколько примеров. В Донецком бассейне продолжительность рабочего дня в последние годы — 10 часов на поверхности и 12 часов (включая 2 часа перерыва) у подземных рабочих ***). Среди портных Петербурга для 58,8% существует 11—11½-часовой день ****), 11 процентов петербургских картонажников работают 11 часов в день. Булочники в столице работают 12 часов *****). Повара Московского промышленного района в большинстве случаев работают 12 — 15 часов в день. Ремесленники г. Баку работают 11 — 11½ часов *****). Среди приказчиков еще очень многих городов сильно распространен 12 — 15-часовой день (там же, 34 — 36).

Положение ремесленных рабочих рисуется в особенно мрач-

*) Там же, стр. 120.

**) Цитируем по кн. А. Фиппа-Енотаевского: «Современное хозяйство в России», 1911 г., стр. 357.

***) Экспонаты по охране труда на «Всеросс. Гигиен. выст. в СПб.» 1913 г., стр. 3.

****) Там же, 23 стр.

*****) Там же, 27 стр.

*****) Там же, 30 стр.

ных красках. В таком крупном центре, как Киев, булочники работают 19 часов в сутки, сапожники 14 час. 18 мин., портные — 11 час. 42 мин., прачки — 14 час. 18 мин., кондитеры — 10 час. 45 мин. и т. д. *). Дальше этого, кажется, некуда идти **).

Тем не менее, за 1 — 1½ десятилетия пролетариат России своей напряженной борьбой добился некоторых результатов в области сокращения рабочего дня. Борьба была поистине нелегка. Особенно — потому, конечно, что помехой в экономической борьбе были истинно-русские политические условия. Каждая крупная экономическая стачка вызывала вмешательство «политики». Полиция всегда оказывала самые крупные услуги предпринимателям. Простая экономическая стачка объявлялась «уголовным» преступлением. Высылали, арестовывали, не давали устраивать рабочих союзов, профессиональным союзам позволяли существовать только на том условии, чтобы экономической борьбой они не могли руководить. Нужен был героизм масс, чтобы при таких условиях чего-нибудь добиться.

Среди экономических стачек и у нас в России преобладали стачки из-за заработной платы, а стачки из-за рабочего дня занимали второе место.

За десятилетие 1895 — 1904 г.г. бастовали из-за заработной платы 208.561 рабочий (48,6% общего числа бастовавших), а из-за рабочего дня бастовало 129.358 (30%***). Если взять период 1895 — 1908 г.г., то окажется, что из-за заработной платы за это время бастовало 34,3%, а из-за рабочего дня — 10,9%. В 1907 году бастовало из-за заработной платы — 115.392 рабочих, а из-за рабочего дня — 24.883. В 1908 году — 50.311 и 17.240. В 1909 году соответствующие цифры равны: 42.725 и 4.146. В 1910 году — 27.080 и 4.969, в 1911 году — 67.164 и 10.134 ****). В первую половину 1913 года из числа экономиче-

*) См. Всеросс. выставка в Киеве. «Каталог диаграмм», стр. 5.

**) Отчаянно длинен у нас рабочий день сельских рабочих. У нас нет точных цифровых данных об этом. Вышедший недавно статист.-эконом. очерк г. Я. Я. Полферова («Сел.-хоз. раб. руки») не дает цифрового материала на этот счет, но тяжелое положение сельских рабочих выясняется и из этого очерка в достаточной мере.

***) Выиграли за это десятилетие 29% бастовавших из-за платы и 32% бастовавших из-за рабочего дня.

****) «Статистический ежегодник на 1913 г.», изд. «Совета съездов пром. и торг.», 1913, стр. 703.

ских стачечников 73% бастовало из-за заработной платы и лишь 11% из-за рабочего дня *).

До 1905 года включительно борьба за сокращение рабочего дня особенно интенсивна. Относительный процент стачек, посвященных борьбе за более короткий рабочий день, в России выше, чем на Западе. Это объясняется тем, что до начала 900-х годов длина рабочего дня у нас превосходила все мыслимое в то время в Западной Европе.

В провинции, где нравы более «патриархальные», чем в столицах, затем среди ремесленных рабочих и среди всех слоев рабочих, не подчиненных фабричной инспекции, рабочий день еще и сейчас чудовищно длинен. Этим объясняется то, что там борьба за сокращение рабочего дня играет сравнительно большую роль, чем в Петербурге. Особенно чудовищен у нас рабочий день детей, женщин и подростков.

VII.

Если бы нужны были еще доказательства того, что длинный рабочий день не спасает и не приносит пользы, а вредит и самой промышленности, то наш русский пример мог бы служить таким неотразимым доказательством. Значительно меньшая производительность труда, чудовищно высокая цифра несчастных случаев — вот главные результаты длинного рабочего дня в России (не говорим здесь о других последствиях).

Более длинный рабочий день не делает русскую промышленность способной к успешной конкуренции с западными конкурентами. Напротив, он только подчеркивает нашу чудовищную, варварскую отсталость. Он только вопиет о том, как беспечно и безумно расхищаются производительные силы в нашей стране.

Достаточно привести один пример из горной промышленности Донецкого бассейна, где предприниматели уже давно силятся поставить эксплуатацию труда на «европейскую» ногу.

Рабочий день нашего углекопа, по крайней мере, на полтора, два часа длиннее, чем рабочий день углекопа Германии, Англии, Америки и т. д. Мы видели выше, что в Западной Европе и в Америке углекопы почти всюду имеют уже 8 — 8 $\frac{1}{2}$ -часовой рабочий день, между тем как рабочий день нашего углекопа

*) «Бюллетень» общества заводчиков и фабрикантов Моск. района, стр. 11, № 17.

равен 10 часам и более. Что же оказывается? Несмотря на это, а вернее — благодаря этому, производительность нашего углекопа значительно ниже, чем на Западе: в 1904 году на юге России приходилось 9.570 пудов на человека, во Франции — около 12.000 пудов, в Германии — 14.700 пудов, в Англии — 17.000 пудов и в Соединенных Штатах — более 34.000 пудов *).

Возьмем несколько примеров, касающихся производительности труда в нашей собственной русской промышленности при различной длине рабочего дня:

В 80 — 90-х годах до издания закона 1897 года в нашей хлопчатобумажной промышленности распространен был 12- и часто 13 — 14-часовой день. После 1897 года рабочий день понижился до 11½ часов. Средняя производительность веретена за это время повысилась с 0,0193 ф. до 0,0210 ф. в час, т.-е. на 8,8%. Суточная работа ткацкого станка за 1896 — 1900 гг. уменьшилась на 10%, а производительность станка за то же время увеличилась на 7,5%.

Производительность труда на юге России, по данным самих горнопромышленников за 1905 — 1907 гг., поднялась весьма значительно. За 7 лет производительность труда повысилась на 90%, хотя рабочий день за это время не увеличивался, а уменьшался.

Инженер Александров, по инициативе которого введен был 8-часовой день на прокатных мастерских казенного Воткинского завода, сообщает, что вместо 140 — 150 пудов в 12-часовую смену стали вырабатывать сначала 150, затем 200 и 250 — 280 пудов за 8-часовую смену. При этом заработная плата, несмотря на понижение расценок, повысилась на 36% **).

На металлургическом заводе Гута-Банкова с осени 1908 года введена 3-сменная 8-часовая работа. Это дало увеличение выработки на 40% при заметном удешевлении продукта. В печати попадались также известия о введении 6-часового дня без понижения заработной платы и с выгодой для завода.

Число примеров можно бы увеличить. На Западе об этом уже и спорить перестали даже среди буржуазных социал-рефор-

*) См. Пажитнов: «Некоторые итоги и перспективы». СПб. 1910 г., стр. 88.

**) Увеличение производительности труда при введении 8-часового дня удостоверено многими фабрикантами и заводчиками. Вэбб и Кокс приводят в своей книге письма к ним от 13 крупных английских фирм, подтверждающих, что их опыт дал именно такие результаты.

маторов. Книга Брептано «Об отношении рабочего дня и заработной платы к производительности труда» (есть русский перевод) вся посвящена защите этой истины. Крупный английский промышленник Mundella, говорят, как-то воскликнул: «от конкуренции наших соседей нас защищает их длинный рабочий день». Он был совершенно прав. Промышленники в цивилизованных странах эмпирическим путем всюду начинают приходить к этому выводу. Если, тем не менее, они сопротивляются сокращению рабочего дня, то это только потому, что не хотят облегчить дела рабочему движению, предоставив рабочим больший досуг.

Целый ряд важнейших представителей буржуазной науки приходит к тому же выводу. Профессор Геркнер в своей последней работе («Arbeitszeit») приводит более 20 имен виднейших немецких, французских, итальянских физиологов, которые стоят на той точке зрения, что в интересах здорового физиологического развития рабочий день не должен много превышать 8 часов. К именам, приведенным Геркнером, мы могли бы прибавить имя русского ученого физиолога И. М. Сеченова⁽¹⁴⁾, который приходит к заключению, что время непрерывной работы (т.-е. со включением отдыха) должно быть тем меньше 10 часов из 16, чем короче фазы отдыха^{*)}. Английский союз машиностроителей установил при помощи статистических данных, что уменьшение рабочего дня с 10 до 9 часов продолжило жизнь каждому рабочему в среднем на 10 лет^{**)}. Это — лучшее подтверждение мнений выдающихся физиологов.

Какое истребительное действие производит в России длинный рабочий день, видно из следующих данных о несчастных случаях.

Еще в 90-х годах А. П. Кеппен, сравнивая данные о горной промышленности в России и Германии, пришел к заключению, что на 100 пострадавших было убитых:

	В Германии.	В России.
На горных заводах	0,79	4,7
» каменноугольных копях	2,97	38,2
» металлических рудниках	2,7	36,6
» каменоломнях	6,06	44,5 ^{***)}

^{*)} И. М. Сеченов. «Физиологический критерий для установки длины рабочего дня», доклад в Общ. любит. естествознания.

^{**)} Доктор Цадек. «Рабочий день и вырождение», стр. 27.

^{***)} Цитируем по Л. Бертенсону: «Санитарно-врачебное дело на горных промыслах Царства Польского», стр. 60.

В недавно вышедшей в издании Министерства торговли и промышленности книге г. Быков устанавливает следующие цифры:

«Общее число жертв промышленного травматизма в России, — пишет он, — не может быть определено ниже 325.000. В числе этих 325.000 пострадавших не менее 40.000 получают тяжелые увечья, а около 6.000 — смертельные. Общий ущерб, наносимый промышленным травматизмом нашему отечеству, не ниже 55 — 57 миллионов рублей в год» *).

Насколько несчастные «случаи» в России более распространены, чем в других странах, видно из следующей таблички, приводимой в той же архиблагопамеренной книге.

На каждые 1.000 рабочих, занятых в коях, число убитых в разных странах таково:

Бельгия.....	1901 — 1904	годы	10,1
Франция.....	1901 — 1905	»	10,8
Англия.....	1898 — 1907	»	12,9
Австрия.....	1901 — 1906	»	13,4
Германия.....	1901 — 1906	»	19,7
Россия (Донецк. басс.т.).....	1901 — 1906	»	22,8

Число убитых в России в $2\frac{1}{4}$ раза больше, чем в Бельгии.

Усталость от длинного рабочего дня, разумеется, играет первенствующую роль в этих массовых несчастных «случаях», губящих свыше 300.000 русских рабочих в год. Из новейших исследований эта губительная роль длинного рабочего дня подтверждается недавно опубликованной работой — «Несчастные случаи Бакинской промышленности», изд. «Совета съездов нефтепромышленников». Как и следовало ожидать, громадное число несчастных случаев и там происходит перед полднем (около 12 часов) и к концу рабочего дня (от 3 — 6 часов) **).

Только введение 8-часового рабочего дня может положить некоторый предел этим явлениям.

Русские рабочие начали эту борьбу. Они добились уже, по крайней мере, того, что этот вопрос поставлен в порядок дня и что идея хотя бы только о допустимости 8-часового рабочего дня начинает проникать в такие сферы, которые очень мало рас-

*) «Охрана жизни и здоровья рабочих в промышленности». СПб. 1913, стр. 98.

**) Ср. указани. работу, стр. 23 — 25.

положены к рабочему классу и к его борьбе. Достаточно привести один пример: комиссия, назначенная военным министром под председательством генерал-майора Попова в 1904 году, пришла к выводу, что для поднятия производительности труда и т. д. необходимо для рабочих военного ведомства признать нормальным $8\frac{1}{2}$ -часовой день. «При этом комиссия имела в виду указания науки и соображения общественного характера, требующие, чтобы человек уделял 8 часов сну, 8 часов отдыха в семье, 8 часов работе» *).

Во всяком случае — довольно неожиданные защитники 8-часового дня. Энергичную борьбу должны были развернуть рабочие, чтобы заставить такие общественные круги хотя бы только заговорить о 8-часовом рабочем дне.

VIII.

Требованию 8-часового рабочего дня российская буржуазия оказала самое упорное сопротивление в 1905 году, в ту пору, когда к политическому движению рабочих она еще относилась сравнительно благосклонно. С еще большим упорством пядь за пядью отстаивает она блага длинного рабочего дня теперь.

Насколько цепко держатся за длинный рабочий день даже самые либеральные слои нашей буржуазии, видно из характернейшей позиции, занимаемой в этом вопросе кадетской партией.

Широкая публика знает, что кадеты стоят за «восьмичасовой рабочий день по возможности». Параграф 44 программы к.-д. партии отстаивает «введение законодательным путем восьмичасового рабочего дня. Немедленное осуществление этой нормы всюду, где она в данное время возможна (1)**), и постепенное (1) ее введение в остальных производствах».

Не многие помнят кадетский «проект закона о продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных заведениях», выработанный специальной комиссией к.-д. партии под просвещенным руководством П. Б. Струве.

Между тем именно этот законопроект бросает чрезвычайно яркий свет на классовое своекорыстие всей нашей буржуазии,

*) «Рабочие в военном ведомстве». Н. М. Лисовский. СПб. 1906 г., стр. 59.

**) Судить о «возможности», очевидно, будет предоставлено господам фабрикантам и заводчикам.

которая даже в лице либеральной и интеллигентной ее части готова зубами отстаивать длинный рабочий день.

В пункте 3 этого кадетского законопроекта читаем:

«Рабочий день при работе одним дневным комплектом, включая перерывы на отдых и принятие пищи, не должен продолжаться дольше 12 часов».

Тут же, кроме того, фабрикантам и заводчикам обеспечена возможность на законном основании эксплуатировать рабочих еще 2 часа в день посредством сверхурочных работ.

«Продолжительность сверхурочной работы каждого отдельного рабочего не должна ни в коем случае в течение двух суток подряд превосходить четырех часов» — читаем мы в статье 22-й к.-д. закона.

Приятие пищи кадеты великодушно обеспечивают русскому рабочему — «не реже как через каждые шесть (1) часов »).

Зато «через пять лет по введении в действие сего закона» кадеты обещают посулить 9-часовой день при одной смене, а еще «через 10 лет» сей великий закон должен вообще быть подвергнут «новому пересмотру».

Подлинная промышленная буржуазия сосредоточивается не в кадетской партии. Эта последняя, как известно, называет себя «впеклассовой» партией и склонна заигрывать с демократическими слоями населения.

И все-таки такая изумительная привязанность к длинному рабочему дню. Легко представить себе на основании этого примера, как держатся за длинный рабочий день сами фабриканты и заводчики.

IX.

До сих пор лишь немногие русские рабочие завоевали себе 8-часовой рабочий день. По подсчетам 1910 года лишь немногим более 150.000 рабочих в России добились такого рабочего дня. Но ведь и борьба еще была сравнительно непродолжительна.

В последнее время опять много толкуют о том, что наше министерство торговли и промышленности готовит законопроект

*) См. сборник «Законодательные проекты и предложения партии народной свободы», СПб. 1907 г., стр. 349 — 352.

о 10-часовом рабочем дне. Это — вполне возможно. Новый размах рабочей борьбы в 1912—1914 годах может заставить сделать такую уступку, тем более, что фактически 10-часовой день отвоеван уже во многих местах.

В известной комиссии В. Н. Коковцова⁽¹⁵⁾ в бурные годы рабочего движения был уже подготовлен законопроект о максимальном 10-часовом рабочем дне^{*)}. Когда схлынула волна, об этом законопроекте, как и о многом другом, постарались забыть. В 1905 году кампания за 8-часовой рабочий день кончилась поражением. Но — «если мы не завоевали 8-часового рабочего дня для масс, то мы завоевали массы для 8-часового рабочего дня», — так справедливо формулировал итог борьбы Петербургский совет рабочих депутатов⁽¹⁶⁾. «Никогда еще три восьмерки не пользовались такой популярностью, как в 1905—1906 годы» — читаем мы в исследовании о движении петербургских металлистов (стр. 120). Эта популярность не оказалась чем-то мимолетным, скоро преходящим. Требование 8-часового рабочего дня вытекает из всего положения рабочего класса.

Короткий рабочий день везде и всегда связан с более высокой заработной платой. Сокращение рабочего дня и повышение заработной платы — это двуединое экономическое требование всего мирового пролетариата.

В России требование 8-часового рабочего дня теснейшим образом связано с вопросом об общеполитическом положении в стране. Без преувеличения можно сказать, что у нас проблема 8-часового рабочего дня есть проблема политическая. Это отчетливо сознается заинтересованными сторонами. Только каждая из них делает из этого различные выводы. Передовые рабочие России мыслят себе борьбу за 8-часовой рабочий день не как синдикалистский «*action directe*». Они великолепно учитывают, каковы политические предпосылки, нужные для завоевания в России 8-часового дня.

Требование 8-часового рабочего дня все более выдвигается, как непосредственно-практическая задача дня, почти во всех капиталистически развитых странах. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что завоевание 8-часового рабочего дня в ближайшие десятилетия в целом ряде стран — совершенно неизбежно.

^{*)} См. С. Н. Прокопович: «К рабочему вопросу в России», СПб. 1905 год, стр. 196.

Полстолетия тому назад у Маркса (см. «Капитал») в диалоге между капиталистом и рабочим последний заканчивал свою страстную филиппику словами: я требую нормального рабочего дня, потому что, как всякий другой продавец, я требую стоимости своего товара.

Теперь за этим требованием стоят уже миллионы и миллионы организованных рабочих. Всюду, где живет и борется рабочий, там громко и настойчиво раздается требование 8-часового рабочего дня...

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹⁾ «Проблема 8-часового рабочего дня» — статья из № 5 «Просвещения» (май 1914 года). В 1917 г. переиздана изд-вом «Прибой» отдельной брошюрой под названием «О 8-часовом рабочем дне».

²⁾ Система Тэйлора или, иначе, научная организация труда — распространенная система в американской промышленности, доказывающая, что, при соответствующем подборе рабочих, инструментов, устранении лишних, не входящих в область изготовления того или иного предмета, движений, можно сэкономить много времени и силы и тем самым удешевить производство этого предмета и увеличить производительность. Тэйлор родился в 1856 г.; получив хорошее образование, поступил на завод простым рабочим — токарем. В 1882 г. он был назначен старшим мастером завода Мидвэльской стальной компании, на котором он в течение 26 лет производил ряд ценнейших опытов по изучению обработки металлов, обесмертивших его имя. Позднее, в 1903 г., он выпускает свою книгу «Управление предприятиями», в которой излагает основы научной организации труда. С этого момента Тэйлор начинает вести пропаганду своего учения вплоть до своей смерти (21 марта 1915 г.). Насколько выгодна оказалась система Тэйлора, видно из следующего факта. Когда в 1910 г. на железных дорогах С.-А. Соед. Штатов встал вопрос о необходимости повышения тарифа, один из учеников Тэйлора, Луи Д. Брандис, предложил применить на железных дорогах принципы управления Тэйлора, с помощью которых можно было бы избежать повышения тарифа. Заявление это встретило сочувствие. Примененная сначала на некоторых, а затем, в 1915 г., и на всех железных дорогах, система Тэйлора дала до одного миллиона экономии в день. В настоящее время в СССР организован Центральный Институт Труда, который занят изучением трудовых процессов и, в частности, применения системы Тэйлора при советской организации производства.

³⁾ Геркнер, Генрих (р. в 1863 г.) — немецкий экономист, профессор берлинского университета. Автор многих книг по рабочему вопросу. По своим взглядам принадлежит к школе Луйо Брентано.

⁴⁾ «Святое Семейство» — первая совместная работа Маркса и Энгельса, вышедшая в 1845 г., в которой они выступили с критикой не-

медкого идеализма, возглавлявшегося тогда Бруно Бауэром. По своему содержанию книга — философско-историческая.

⁵⁾ Юлий Фауер — один из выдающихся сотрудников «Всеобщей Литературной Газеты», последователь Бруно Бауэра.

⁶⁾ «Всеобщая Литературная Газета» — газета, издававшаяся Бруно Бауэром в 1843 г., против которой выступили с критикой Маркс и Энгельс в «Святом Семействе». «Всеобщая Литературная Газета» вела полемику с «Рейнской Газетой», которая стала поворачивать от чистой теории к политике, уделяла большое внимание таким вопросам, как свобода, народ, народовластие, публичность, свобода печати и т. д. Бруно Бауэр зло пронизировал по поводу этих проблем, называя их «ходячими лозунгами», и призывал к возврату к чистой теории, к чистой критике. Критика через самоусовершенствование должна познать сущность вещей, чтобы их изменить. Своим презрительным отношением к «массам» и их лозунгам газета играла на руку реакции. Газета просуществовала всего лишь год, не встретив значительного отклика, ни даже сочувствия своих сторонников.

⁷⁾ Меринг, Ф. (1846 — 1919 гг.) — крупнейший публицист, историк и видный деятель германской с.-д., выдающийся теоретик марксизма. Выросши в буржуазной семье, Меринг начал свою общественную деятельность в рядах германской буржуазии и, будучи либеральным демократом, вел несколько лет активную борьбу против германской с.-д. В 80-х гг., в период наибольших гонений против с.-д. со стороны буржуазии и правительства, господства исключительного закона против социалистов, в мировоззрении Франца Меринга происходит резкий переход: Меринг порывает с буржуазным лагерем и переходит в ряды с.-д., заняв в ней сразу же выдающееся место. В 90-х гг., когда в германской с.-д. поднял голову ревизионизм, Франц Меринг выступил его решительным противником и вместе с Каутским, Розой Люксембург, Парвусом и др. повел литературную борьбу с ревизионизмом. В этот период расцвета литературного таланта Меринга он является редактором «Лейпцигской Народной Газеты», являвшейся лучшим органом во всей мировой социалистической прессе. Вместе с Каутским Ф. Меринг является одним из редакторов и главных сотрудников научного органа германской с.-д. «Neue Zeit» («Новое Время»). В 1909 — 10 гг., когда Каутский стал поворачивать направо, пытаясь создать центристское течение, стоящее между Р. Люксембург и Бернштейном, Ф. Меринг порывает со своим старым сотрудником и вместе с Розой Люксембург и Кларой Цеткин создает «лево-радикальную группу» (в ней впоследствии примкнул Карл Либкнехт), объявившую войну каутскианству.

Во время империалистической войны Меринг занимает интернационалистскую позицию, солидаризируется с Карлом Либкнехтом, выступает вместе с Розой Люксембург и Кларой Цеткин с открытым манифестом, приветствовавшим английских рабочих и весь рабочий Интернационал. Когда Клара Цеткин и Роза Люксембург были посажены в тюрьму, на долю Меринга выпало идейное руководство группой «Спартак». При первых известиях о пролетарской революции в России, Меринг целиком становится на ее защиту. В период Бреста он отстаивал тактику большеви-

ков, подписавших мир, во время чехо-словацкого мятежа и борьбы с эсерами высказывался за необходимость красного террора по отношению к врагам пролетарской революции. В 1919 г., когда группа «Спартак» была переименована в Коммунистическую Партию Германии, Меринг стал ее членом.

Мерингу принадлежит ряд превосходных работ по философии, истории, литературе и проч. Умер 3 февраля 1919 г.

⁸⁾ Оувн, Роберт — см. Г. Зинovieв, собр. соч., т. XVI, стр. 32 — 33, прим. 5-е.

⁹⁾ I Интернационал (Международная Ассоциация Рабочих) — основан формально на собрании английских, французских, итальянских, ирландских и немецких рабочих в Лондоне 28 сентября 1864 года. I Интернационал является продолжением тех попыток международного объединения рабочего класса, которые были начаты еще «Союзом Справедливых», а затем «Союзом Коммунистов». За время своего существования первый Интернационал (по 1873 г.) имел 5 конгрессов: 1) в 1865 г. в Лондоне, где был принят Коммунистический Манифест; 2) в 1866 г. в Женеве; 3) в 1867 г. в Гааге; 4) в 1873 г. в Женеве и 5) в 1874 г. в Брюсселе (созванный отколовшимися от Интернационала «анти-авторитарными» (бакунистскими) федерациями).

Вопросу о профессиональных союзах Первый Интернационал почти целиком посвятил работы Женевского конгресса (1866 г.). В принятой конгрессом резолюции о профсоюзах говорится, что будущность «нового традиционизма» в том, чтобы профсоюзы «научились сознательно выступать в роли организационных центров рабочего класса, поддерживать всякое политическое и социальное движение, направленное к этой цели, и смотреть на себя как на активный авангард всего класса».

¹⁰⁾ Парижская Коммуна. — Союз булочников долгое время боролся за сокращение рабочего времени, в виду особо тяжелых условий труда булочников, но безуспешно. Лишь Коммуна, после яростного сопротивления хозяев, в своем декрете от 20 апреля 1871 г. запретила ночной труд рабочих-булочников, сократив этим их рабочий день до 8-ми часов.

¹¹⁾ Имеется в виду запрос нашей думской фракции, сделанный 26 ноября 1913 г. в связи с экономической забастовкой на Обуховском заводе, вызванной тяжелыми условиями труда. Запрос этот требовал введения 8-часового рабочего дня. Требование еще раз было подчеркнуто в речи нашего депутата т. Муранова: «Разве нами, г.г., не было заявлено давно, чего мы требуем от настоящего правительства для рабочих? Мы требуем введения фабричной инспекции прежде всего в казенных предприятиях и во всех остальных предприятиях. Но, чтобы эта фабричная инспекция была поставлена на должную высоту, то должны быть к фабричным инспекторам выбраны помощники, выбраны из своей среды самими же рабочими, так как фабричный инспектор не может уследить сам за всем. Это первое наше требование по отношению к министерству. Затем, второе наше требование — это восьмичасовой рабочий день; социальное страхование всех видов, в том числе страхование от безработицы; еженедельный отдых не менее 42 часов; охрана труда женщин и детей; уничтожение ночного труда; здоровые условия труда; разрешение

жилищного вопроса в интересах рабочих. Вот наши требования, предъявляемые сейчас нашему правительству, которые должны быть проведены везде и всюду, и в первую голову в казенных предприятиях».

Разумеется, запрос этот дальше объяснений министра внутренних дел не пошел. Черносотенная Дума нашла ответ министра исчерпывающим.

¹²⁾ Имеются в виду грандиозные стачки питерских ткачей, начавшиеся в январе 1896 г. на фабриках Лебедева, Кенига, на Самсоновской мануфактуре, бумагопрядильне Воронина, а затем перебросившиеся на ряд металлических заводов Петербурга. Стачки эти то прекращались, то снова начинались с необыкновенной силой. 10 января 1897 г. стачка окончилась победой рабочих, и на фабриках и заводах с апреля 1897 г. был введен 11½-часовой рабочий день. Это пововедение позднее вылилось в известный закон 2 июня 1897 года.

¹³⁾ Я н ж у л — академик, известный русский экономист, автор многих трудов по экономике и статистике фабрично-заводского дела в России. В 900-х годах стоял во главе московской фабричной инспекции. Во время первой революции (1905 г.) — один из организаторов «партии правового порядка», возникшей в октябре 1905 г., во время всеобщей почтово-телеграфной забастовки выступал в роли активного штрейкбрехера. А в 1906 г., когда партия распалась, примкнул к монархистам.

¹⁴⁾ С е ч е н о в, И. М. (1829 — 1905 гг.) — знаменитый русский физиолог, один из основателей особой школы т. н. материалистического направления в сфере психо-физиологических процессов; был профессором новороссийского, петроградского и московского университетов. В 1897 г. Сеченов, оставив профессию, занялся общественной работой. В Москве, где он проживал, им были основаны «Вечерние Пречистенские классы для рабочих», которыми он руководил.

¹⁵⁾ Комиссия Коковцова, — созданная для проведения рабочего законодательства. В области рабочего времени законопроект комиссии Коковцова сводился к следующему: 1) для рабочих, занятых в дневное время, устанавливается максимальный рабочий день в 10 час.; для занятых хотя отчасти в ночное время — 8 час.; для вспомогательных работ устанавливается 12-часовой рабочий день и 4 дня отдыха в месяц. Сверхурочные работы малолетним воспрещаются; обязательными признаются только технически необходимые сверхурочные работы. Необязательные допускаются: 1) в случаях государственной и общественной необходимости и 2) в случаях сезонных работ.

¹⁶⁾ 2 ноября 1905 г. Петербургским Советом Рабочих Депутатов была объявлена всеобщая политическая забастовка. В числе прочих требований различных свобод было, между прочим, и требование 8-часового рабочего дня, широко подхваченное в резолюциях ряда фабрик и заводов Петербурга.